

УДК: 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ СУБЪЕКТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГЕНДЕРНОМ ДИСКУРСЕ

Краснянская Татьяна Максимовна¹, Тылец Валерий Геннадьевич¹¹ Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки
357635 Россия, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина роз, 7

Аннотация:

Статья посвящена изучению гендерного своеобразия темпорального восприятия субъектной безопасности. Авторы исходили из того, что время субъектной безопасности в восприятии женщин и мужчин обладает элементами социально детерминированного сходства и вариативностью, вызванной различиями в системе ценностных приоритетов представителей двух полов. Работа носит эмпирический характер и основана на результатах анкетирования групп студентов женского и мужского пола по четырём аспектам темпорального восприятия субъектной безопасности. Установлено, что представители двух групп сходятся в признании своего настоящего наиболее безопасным периодом жизни, а здоровья и психики – приоритетными объектами субъектной безопасности. Однако девушки обнаружили приверженность в понимании безопасности как защищённости, использования актуально центрированных её ресурсов и экстернальности в определении средств её обеспечения, юноши – безопасности как развития, достижения социального успеха, привлечения темпорально разнообразных ресурсов и интернальности в определении средств её обеспечения. Материалы открывают возможности воздействия на субъектную безопасность с учётом гендерного фактора.

Ключевые слова: безопасность, субъектная безопасность, гендерные группы, гендерный субъект, время, темпоральные особенности, восприятие, приоритеты, ресурсы.

Постановка задачи

Гендерная проблематика, ориентированная на выявление своеобразия женщин и мужчин по различным векторам социальной политики, семейных отношений, политологии, управления, экономики, культуры и т.д., остаётся неполной без введения в неё пласта, связанного с безопасностью.

Вопросы безопасности в настоящее время вошли в круг приоритетных проблем межнационального, государственного и общественного уровня. Они актуальны для построения социальной политики, управленческих практик, экономической и культурной жизни страны [1, 2, 3, 4]. На их решение направлена деятельность властных структур, религиозных конфессий, а также политологов, социологов и других представителей научного сообщества. Результатом такого рода активного интереса явилось осмысление многих общеметодологических, исторических, правовых, социокультурных, экономических аспектов безопасности. Произошло оформление философских, социологических, политических, педагогических и других разделов теории безопасности, в которых детализированы особенности безопасности социальных структур различного типа [5, 6]. Вместе с тем, очевидно, что любая безопасность своей основой имеет выборы и действия, реализованные отдельным субъектом или группой субъектов [7, 8]. От понимания ими необходимого и возможного в сфере безопасности зависит благополучие отдельных людей, семей, малых и больших социальных общностей. Данное обстоятельство наделяет приоритетностью изучение субъектной безопасности как того исходного минимума, который

способен получить глобальное измерение.

Субъектная безопасность, образованная проекцией многоуровневых, неоднозначных и динамических влияний жизненной реальности на сензитивные им параметры отдельного человека, определяется его способностью сохранять баланс своей защищённости и открытости перспективам развития по соматическим, психическим, духовным и социальным показателям [9]. Ведущую роль в процессах достижения и сохранения этого баланса играет психическая организация человека, среди многочисленных детерминантов которой сосредоточимся на гендерной специализации.

Исследования по гендерной психологии, уже достаточно разносторонне обозначившие различия в психической организации мужчин и женщин, всё ещё оставляют пробелы понимания проблем, имеющих «выход» на управление социальным самочувствием полов. Приоритетным среди них нами рассматривается вопрос гендерного своеобразия восприятия времени субъектной безопасности, изучение которого не только раскрывает новые ракурсы понимания его феноменов, но и позволяет осуществить прогноз социальной активности гендерно специализированных субъектов в различных социальных условиях. Его рассмотрение и составило проблему нашего исследования.

Исследования темпоральных аспектов субъектной безопасности, единичные сами по себе, до сих пор не имели гендерной детализации, но допускали её возможность [10, 11, 12, 13, 14]. Мы предполагали, что восприятие времени субъектной безопасности характеризуется сочетанием констант социальных ценностей в сфере безопасности и их гендерных вариантов, определяемых своеобразием мужского и женского видения приоритетов своего прошлого, настоящего и будущего.

Целью исследования, соответственно, выступило выявление константных и вариативных особенностей гендерно дифференцированного восприятия времени субъектной безопасности.

Задачами исследования явилось установление гендерных особенностей: 1) темпорального позиционирования субъектной безопасности; 2) темпоральных приоритетов объектов субъектной безопасности; 3) ресурсного обеспечения субъектной безопасности в темпоральном континууме; 4) атрибутирования распределённости в психологическом времени субъектов ответственности за неё.

Методы исследования

Основным исследовательским методом выступил опрос в форме закрытого анкетирования. Испытуемым было предложено 4 блока вопросов, ответ на которые предполагал совершение серии оценочных выборов.

Первый блок вопросов ориентировался на выявление темпорального позиционирования испытуемыми субъектной безопасности: «В последовательности “прошлое – настоящее – будущее” определите поле безопасности, наиболее значимой для человека. Если всю Вашу безопасность определить 100 %, то какая из них часть приходится на Ваше прошлое, на настоящее и на будущее?».

Второй блок вопросов предполагал установление объектов востребованной субъектной безопасности: «Что требует большей безопасности?». Четыре квадры объектов, относящихся к разным аспектам субъектной безопасности, требовалось соотносить с темпоральным пространством персональной жизнедеятельности: «Установите приоритеты для своего прошлого, настоящего и будущего по каждой последовательности: а) организм – психика – душа – социальная активность; б) здоровье – способности – вера – устремления; в) физическое благополучие – психическое благополучие – духовная гармония – социальная успешность; г) детство – юность – продуктивная зрелость – старость».

Третий блок вопросов был нацелен на выявление значимых ресурсов субъектной безопасности: «Что больше определяет личную безопасность?». От испытуемых требовалось четыре пласта ресурсов соотносить с тремя временами своей жизнедеятельности: «Установите приоритеты для своего прошлого, настоящего и будущего по каждой последовательности: а) познавательная сфера – эмоционально-волевая сфера – ценностно-смысловая сфера –

поведенческая сфера; б) здоровье – индивидуальные свойства личности – социальный статус человека – социальные связи; в) моя жизненная позиция – мои поступки – отношение ко мне других – поведение в отношении меня других; г) опыт и компетенции – ежедневные достижения – эффективное планирование».

Четвёртый блок вопросов был предназначен для уточнения источников субъектной безопасности: «Кто (что) вносит больший вклад в вашу безопасность?». Соотнесению с темпоральным пространством жизнедеятельности подвергались четыре квадры возможных субъектов безопасности: «Установите приоритеты в прошлом, в настоящем, в будущем по каждой последовательности: а) Я сам – семья – друзья и знакомые – общество; б) сбалансированное питание – позитивное мышление – правильное поведение – везение; в) государство – национальная общность – общественные организации – религиозные институты; г) правоохранительные органы – органы МЧС – медицинская сфера – образовательная сфера».

Исследование выполнено в рамках номотетического подхода, предполагающего сопоставительное выявление на гендерно специализированных выборках общих тенденций функционирования изучаемого феномена. Для его реализации использовалась выборка студентов, в которую вошло 230 человек в возрасте от 18 до 22 лет: 150 девушек и 80 юношей.

Результаты исследования

Изучение массива результатов анкетирования показало обладание представителями двух гендерных групп общими и специфичными особенностями восприятия времени субъектной безопасности.

При ответах на первый блок вопросов наиболее значимым временем безопасности вне зависимости от половой принадлежности респондентов оказалось настоящее время. Приверженность безопасности в период «здесь и сейчас» указывает на актуальную вовлеченность в события своей жизнедеятельности и свидетельствует, в целом, о достаточном психологическом благополучии испытуемых. Вместе с тем, представители двух групп разошлись в оценке своей безопасности, относящейся к конкретным периодам прошлого, настоящего и будущего собственной жизнедеятельности. Для девушек процентное распределение данных времён получило вид последовательности – настоящее (39,1 %), прошлое (34,7 %), будущее (26,2 %); для юношей – настоящее (41,0 %), будущее (32,7 %), прошлое (26,4 %). Таким образом, при безусловном воспроизводстве приоритетов безопасности настоящего, у первых прослеживается «сдвиг» в пользу безопасности в прошлом, у вторых – в пользу безопасности в будущем своей жизнедеятельности. Первые воспринимают более безопасным всё то, что с ними уже произошло, а, следовательно, хорошо известно, привычно; вторые – то, что с ними ещё только случится в будущем, новое, вероятностное. Концентрация для женской выборки зоны безопасности в прошлом свидетельствует о приверженности стабильности, в будущем для мужской выборки – о нацеленности на развитие.

Ответы на второй блок вопросов показали, что представителей двух гендерных групп объединяет рассмотрение психики и здоровья в качестве реальностей (объектов), требующих наибольшей безопасности. Являясь ожидаемыми в силу соответствия наиболее распространённым на сегодняшний день социальным установкам, данный результат можно трактовать как подтверждение достоверности полученных в ходе исследования ответов. Гендерное своеобразие проявилось при оценке объектов безопасности, представленных зонами субъектного благополучия и периодами жизни человека: для мужской выборки приоритетным ориентиром выступает обеспечение защищённости психического благополучия и юношеского возраста, для женской выборки – духовной гармонии и детского возраста. В данном случае проявилась большая реалистичность по вопросам безопасности представителей первой группы и большая идеалистичность, гуманистичность второй группы. Характерно и то, что обе группы показали одинаково высокое совпадение (3 варианта в 4 возможных сериях) идеального объекта безопасности и объекта безопасности,

наиболее значимого для их собственной безопасности в настоящем. Это также указывает на то, что они с достаточной успешностью соотносят своё настоящее с приоритетами субъектной безопасности.

Представители двух гендерных групп обнаружили существенное единство в расстановке приоритетов объектов безопасности по временам собственной жизни. Прошлое они единодушно связали с безопасностью своего организма, здоровья, физического благополучия и детства, настоящее – с безопасностью психики и юности, будущее – с безопасностью социальной успешности и старости. Социальная предсказуемость обозначенных приоритетов по объектам безопасности при их чётком соотнесении с особенностями времени человеческой жизни указывает на высокий уровень правдивости указываемых ответов. Расхождения проявились при обозначении двух позиций настоящего (приоритеты юношей в нём пришлись на способности и психическое благополучие, девушек, соответственно, – на здоровье и духовную гармонию) и двух позиций будущего (для юношей в нём приоритетны социальная активность и устремления, для девушек – организм и здоровье). Обозначенные различия, с нашей точки зрения, подтверждают большую ориентацию юношей на достижения в сфере безопасности, девушек – на стабильность.

Анализ второго блока ответов позволил выявить достаточную близость позиций двух гендерных групп по объектам безопасности жизнедеятельности (8 совпадений из 12 оцениваемых позиций, т.е. 66,7 % тождественности). Очевидно, что объект безопасности обладает относительно высоким уровнем социальной детерминированности, составляющей основу достаточной успешности преодоления гендерных влияний при его определении.

Ответы на третий блок вопросов, показали, что, наряду с общими чертами, каждая гендерная группа обладает достаточной спецификой понимания ресурсной базы безопасности. Наиболее универсальным для них ресурсом безопасности оказался жизненный опыт человека. Вместе с тем, по мнению юношей, наибольшей ресурсоёмкостью в сфере безопасности обладают познавательная сфера, здоровье и жизненная позиция человека (значимые объекты безопасности прошлого, настоящего и будущего), по мнению девушек – эмоционально-волевая сфера, индивидуальные свойства и поведение (значимые объекты безопасности прошлого и настоящего). Набор ресурсов первых больше специализирован для продвижения вперёд, познания и достижения нового, вторых – для сохранения с минимальными затратами того, что уже достигнуто и определяет безопасность.

При оценке ресурсов безопасности во временах собственной жизни представители обеих выборок проявили единство, обозначив, применительно к прошлому ценность ресурсов познавательной сферы, здоровья и ежедневных достижений, к настоящему – ежедневных достижений, к будущему – ценностно-смысловой сферы и социальных связей. Наиболее значимые расхождения в оценке значимости ресурсов безопасности проявились для настоящего времени: юноши показали приоритетность ценностно-смысловой сферы, здоровья и жизненной позиции, девушки, соответственно, эмоционально-волевой сферы, индивидуальных особенностей и собственных поступков. Высокий уровень различий в данном случае может указывать на высокую степень гендерной специализации текущей практики самообеспечения безопасности, мужское начало в которой больше опирается на некоторые идеалы, а женское – на реальные возможности. Расхождения также проявились в оценке ресурсов субъектной безопасности по другим временам: для юношей ресурсоёмкость безопасности будущего основывается на собственных поступках и планировании, прошлого – на поведении других в отношении себя; для девушек – ресурсоёмкость безопасности будущего основана на жизненной позиции и опыте, прошлого – на отношении других к себе. В оценках ресурсов безопасности прошлого юноши более объективны, чем девушки, будущего – в большей степени, чем они, уверены в себе и склонны к риску.

По рассматриваемому блоку ответов близость гендерных позиций составляет 50,0 % (6 совпадений из 12 возможных вариантов), что указывает на ослабление социальной детерминации в определении ресурсов субъектной безопасности. Девушки обнаружили большую последовательность в соотнесении идеальных ресурсов безопасности с её

ресурсами в своём настоящем, юноши – в своём прошлом. Это указывает на то, что первые более гармонично «вписаны» в актуальный период жизни, чем вторые, и в достаточной мере видят ресурсы своей безопасности «здесь и сейчас»; вторые более склонны эталонным по ресурсам безопасности рассматривать своё прошлое, а настоящее и, тем более, будущее для них с этой точки зрения достаточно вариативно.

Ответы на четвёртый блок вопросов показали, что гендерных субъектов объединяет рассмотрение семьи и правильного поведения человека в качестве эффективных средств обеспечения субъектной безопасности. При этом они расходятся в оценке социальных источников субъектной безопасности: для юношей с этой точки зрения приоритетны государство и медицинская сфера, для девушек – общественные организации и образовательная сфера. Выделенные приоритеты, с нашей точки зрения, вполне соотносятся с приоритетами объектов безопасности, ранее выявленных гендерными группами.

Установлена единичность совпадений значимых для субъектов источников безопасности с периодами их жизни: представители обеих групп для своей безопасности в прошлом обозначили значимость семьи и правильного питания, в настоящем – правильного поведения. Наряду с этим, юноши увязывают безопасность своего прошлого с национальной общностью и медицинской сферой, своего настоящего – с собой («Я сам»), государством и МЧС, своего будущего – с семьёй, позитивным мышлением, общественными организациями и образовательной сферой. Для безопасности девушек в прошлом наиболее значимы государство и правоохранительные органы, в настоящем – семья, общественные организации и образовательная сфера, в будущем – «Я сам», правильное поведение, государство и медицинская сфера. Таким образом, первые в вопросах безопасности склонны опираться на себя уже в настоящем, относя надежды на помощь социальных структур к будущему, вторые готовы полагаться на себя в вопросах безопасности только в будущем, а в настоящем надеются на возможности социального окружения. Соответственно, в сфере безопасности юноши в своём настоящем более интернальны, девушки – экстернальны, что делает первых более самостоятельными в ней, вторых – более зависимыми от социальных источников безопасности.

Близость гендерных позиций в отношении выделения значимых источников субъектной безопасности составляет 25,0 % (3 совпадения из 12 возможных). При этом у девушек универсальный источник безопасности по всем последовательностям совпадает с настоящим временем; у юношей – он совпадает в двух случаях с их прошлым (семья, медицинская сфера) и в двух случаях с настоящим (правильное поведение, государство). Таким образом, при обеспечении безопасности первые опираются на актуальные возможности, вторые – не центрированы на настоящем, могут рассматривать использование возможностей прошлого, которое для них эталонно по ресурсам безопасности.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило интегральную природу гендерного восприятия времени субъектной безопасности, характеризующегося единством констант её социальных ценностей и гендерных вариантов приоритетов в прошлом, настоящем и будущем. Высокая гендерная константность объекта безопасности допускает возможность социальной детерминации его субъектных приоритетов. Гендерная вариативность восприятия ресурсов и источников безопасности, проявившаяся в центрации женских субъектов на текущем состоянии и актуальных возможностях безопасности, на сохранении того, что обеспечило защищённость в прошлом, мужских субъектов – в ориентации на будущее, на достижения с использованием темпорально комплексных ресурсов, предполагает использование разных моделей стимулирования социальной активности гендерно специализированных субъектов. Выявленная высокая экстернальность женщин и интернальность мужчин в вопросах актуальной безопасности ориентирует на построение разных схем психологической поддержки гендерных субъектов в трудных, напряжённых, экстремальных ситуациях и условиях жизнедеятельности.

Список цитированной литературы:

1. Кисляков П.А., Феофанов В.Н., Удодов А.Г. Модель социально безопасного/опасного поведения детей с нарушениями интеллекта // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2017. Т. 16. № 3 (142). С. 19-27.
2. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Психологическая безопасность в системе факторов санаторно-курортного оздоровления // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2017. №4. С.26-30. doi: 10.17116/kurort201794426-30
3. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Трансформация темпорального пространства субъектной безопасности в условиях суицидального влияния // Education Sciences and Psychology. 2017. №2 (44). С. 73-81.
4. Погодаева М.В. Стратегии развития пространства безопасного детства в жизненном мире ребенка // Мир науки. 2017. т. 5. № 5. С. 30.
5. Сударик А.Н., Здорова С.В. Значение процесса формирования коммуникативной компетентности студентов-психологов в обеспечении психологической безопасности образовательной среды ВУЗА // Психология обучения. 2018. № 1. С. 100-109.
6. Тылец В.Г., Краснянская Т.М. Психологические сценарии создания безопасной медиасреды вуза // Медиаобразование. 2017. № 4. С. 73-82.
7. Котова И.Б., Краснянская Т.М., Тылец В.Г., Веселова В.Г., Иохвидов В.В. Артефакты личной безопасности в субъектном пространстве студентов вуза // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 4. С. 51-67. doi: 10.21702/rpj.2016.4.3
8. Никифорова Д.М. К вопросу о безопасности защитного и совладающего поведения студентов в образовательной среде // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 113-126.
9. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Ресурсы психологической безопасности личности в зависимости от трудового статуса пенсионера // Успехи геронтологии. 2018. Т.31. №1. С.39-45.
10. Ковдра А.С. Временная перспектива как predisпозиция психологической безопасности личности: дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2012. 224 с.
11. Ковдра А.С. Временная перспектива личной безопасности: определение понятия и основных параметров // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 314-318.
12. Ковдра А.С. Личностные и ситуативные аспекты формирования временной перспективы безопасности человека // Прикладная психология и психоанализ. 2011. № 1. С. 1.
13. Ковдра А.С. Особенности формирования временной перспективы безопасности личности студентов вуза // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 141-148.
14. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Время опасности и безопасности в субъектном опыте студентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 3. С. 231-236. doi: 10.18500/2304-9790-2016-5-3-231-236